

ЯРМЫШ
Наталья Николаевна

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ДОВЕДЕНИЕ ДО САМОУБИЙСТВА

Специальность 12.00.08 — Уголовное право и криминология;
исправительно-трудовое право

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата юридических наук

Работа выполнена на кафедре уголовного права Украинской юридической академии.

Научный руководитель — заслуженный работник высшей школы Украины, профессор, академик Академии правовых наук Украины СТАШИС В. В.

Официальные оппоненты:

заслуженный юрист Украины, доктор юридических наук, профессор, академик Академии правовых наук Украины БУРЧАК Ф. Г.,
доктор юридических наук, профессор ПИНАЕВ А. А.

Ведущая организация — Институт государства и права Академии наук Украины

Защита состоится «10» ноября 1992 г. в 11 часов на заседании специализированного совета Д 068.25.02 по присуждению ученой степени доктора юридических наук в Украинской юридической академии (310024, г. Харьков, ул. Пушкинская, 77).

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Украинской юридической академии.

Автореферат разослан «8» октября 1992 г.

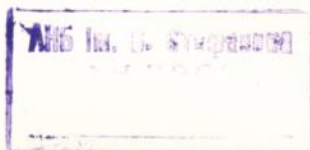
Ученый секретарь
специализированного совета
заслуженный работник народного образования Украины,
доктор юридических наук, профессор

ДАНЬШИН И. Н.

ЛННБ України ім.В.Стефаника

00816477 (X)

Актуальность проблемы. В современных условиях права человека, и прежде всего право на жизнь, становятся предметом заботы всего мирового сообщества, приобретают глобальное значение, как и многие другие аспекты общественной жизни. Приоритетное обеспечение прав человека провозглашается и в Декларации о государственном суверенитете Украины. В то же время, по данным Всемирной организации здравоохранения, в мире ежегодно совершается 500—600 тыс. самоубийств. Самоубийство стоит на четвертом — пятом месте среди причин смертности и сохраняет тенденцию к росту. В некоторых странах от собственной руки люди погибают чаще, чем в автокатастрофах. Десятая часть самоубийств (60 тыс.) приходится на государство бывшего Союза ССР (см. напр., Известия, 1990, № 4; Комсомольская правда, 1990, № 282). Исследованием самоубийств и их причин занимается мультидисциплинарная наука — суицидология. Установлено, что наиболее высок уровень самоубийств в экономически развитых странах с усложненными межличностными отношениями. Самоубийство — не преступление. Но преступлением уголовный закон признает доведение до него, занимающее значительное место среди многообразных причин самоубийств.

В науке уголовного права проблема ответственности за доведение до самоубийства разработана недостаточно полно. В Украине нет ни одного специального исследования. В пределах бывшего Союза изданы две работы по материалам соответствующих регионов: Авакян Р. З. «Доведение до самоубийства как уголовно наказуемое деяние» (Ереван, 1971) и Алиев И. А. «Актуальные проблемы суицидологии» (Баку, 1987). Другие криминалисты касались этой темы при исследовании преступлений против личности в целом или преступлений против жизни. Это работы А. А. Пионтковского, М. Д. Шаргородского, Ю. И. Ляпунова, Н. И. Загородникова, С. В. Бородина, В. В. Сташиса и М. И. Важанова и др. авторов. Всех аспектов проблемы эти исследования далеко не исчерпывают, по многим положениям нет еще единства мнений. Надо отметить, далее, что и норма, определяющая уголовную ответственность за доведение до самоубийства, имеет недостатки, безусловно сказывающиеся на практике.

Статья 99 УК Украины устанавливает: «Доведение до самоубийства или до покушения на самоубийство лица, находящегося в материальной или иной зависимости от другого лица, путем жестокого с ним обращения или систематического унижения его человеческого достоинства — наказывается лишением свободы на срок до пяти лет.

Доведение до самоубийства или до покушения на самоубийство вследствие систематической травли или клеветы со стороны лица, от которого потерпевший не был в материальной или иной зависимости, — наказывается лишением свободы на срок до трех лет».

Следует признать, что приведенные диспозиции страдают редакционными погрешностями. В ч. 1 нет четкого указания на зависимость потерпевшего именно от виновного. Речь идет просто о «другом» лице. Ч. 2 синтаксически неудачна, сформулирована так, что слово «вследствие» относится к доведению до самоубийства, а не к самоубийству. Эти изъяны закона очевидны, хотя затруднения, которые испытывает практика, определяются не только ими. Источником трудностей служит и использование законодателем слов «доведение», «обращение». Есть основание считать, что их можно понимать как процесс, систему поступков, но не как разовую акцию. Но тогда затруднена возможность ответственности за доведение до самоубийства лица, совершившего единичное жестокое действие. Требуется тщательного анализа соотношение понятий: жестокое обращение, унижение достоинства, травля, клевета. Необходимо и уточнение признака систематичности. Ч. 2 статьи сформулирована таким образом, что не ясно — относится ли этот признак только к травле или же и к клевете. По-разному понимается зависимость потерпевшего в данном составе; насколько оправдано, что она упомянута в первой, а не во второй части ст. 99 (как квалифицирующий признак). Ставится даже вопрос о том, нужен ли вообще этот признак.

Возникают и другие вопросы, касающиеся применения рассматриваемой статьи УК. Их разработка приобретает особую актуальность в связи с подготовкой проекта нового Уголовного кодекса. Все это и послужило основанием для выбора данной темы в качестве диссертационного исследования.

Цель исследования заключается в том, чтобы на основе изучения ст. 99 УК Украины и практики ее применения разработать предложения и рекомендации, направленные на совершенствование статьи закона и уголовно-правовой борьбы с доведением до самоубийства.

Методологическую основу диссертации составляет материалистическая диалектика как общенаучный метод познания. Применены и частнонаучные методы: системного анализа, логико-семантический, сравнительно-правовой, историко-правовой.

Содержание работы потребовало изучения литературы не только по уголовному праву, но и по общей теории права, философии, социологии, психологии, педагогике, этике. Были использованы дореволюционное уголовное законодательство, а также руководящие разъяснения высших судебных органов бывших Союза ССР и союзных республик, отдельных зарубежных государств, опубликованная судебная практика. Изучены конкретные уголовные дела по доведению до самоубийства, рассмотренные судами Украины за период с 1986 по 1991 г.

Научная новизна работы заключается прежде всего в том, что она является первым в Украине диссертационным исследованием проблем уголовной ответственности за доведение до самоубийства. В диссертации высказаны следующие новые положения, которые выносятся на защиту:

1. Родовым объектом доведения до самоубийства признаются общественные отношения, обеспечивающие неотъемлемые блага человека, а не личности, поскольку личность — это лишь социальное свойство человека.

2. Непосредственный объект доведения до самоубийства определяется как общественные отношения, обеспечивающие человеку возможность жить.

3. Предмет доведения до самоубийства — это личность человека. Именно по предмету доведение до самоубийства в первую очередь отличается от убийства: предметом последнего следует считать жизнь.

4. Слова «доведение», «обращение», указанные в ст. 99, с точки зрения их этимологии правильно понимать как процесс, систему поведения. Их употребление в диспозиции затрудняет или даже исключает ее применение к одноактным действиям, а потому от этих слов нужно отказаться, заменив их словами «проявление жестокости».

5. Поименованные в диспозиции «унижение достоинства», «травля», «клевета» по существу являются разновидностями жестокости (а именно моральной). Указание в законе на травлю или клевету поэтому излишне.

6. Объективную сторону доведения до самоубийства могут образовывать и действия, внешне как будто «основанные на законе».

7. Самоубийство как последствие рассматриваемого преступления — это добровольное, намеренное совершение человеком действий, направленных на лишение себя жизни и достаточных для наступления смерти, при условии, что причину их он видит в жестокости по отношению к нему определенного лица.

8. Если человека принуждают к самоумерщвлению, т. е. создают для него ситуацию «фатального выбора» (сходную с крайней необходимостью), добровольность отсутствует, а значит, нет и самоубийства. Такие случаи следует квалифицировать как умышленное убийство.

9. Причинная связь между проявлением жестокости и самоубийством всегда опосредована волеизъявлением потерпевшего.

10. Зависимость как специальный признак субъекта доведения до самоубийства — это такая связь между обвиняемым и потерпевшим, при которой реализация существенных интересов последнего была обусловлена поведением первого либо реализация существенных интересов каждого была обусловлена обоюдным поведением.

11. Зависимость может быть вертикальной (основанной на доминировании одного человека над другим) и горизонтальной (при равном микростатусе людей).

12. От признака зависимости целесообразно отказаться в силу его расплывчатости.

13. Доведение до самоубийства — это преступление с усложненной (комбинированной) формой вины. Отношение к деянию (жестокости) может быть только умышленным, отношение к последствию (самоубийству) — и умышленным, и неосторожным.

14. Наиболее распространенной формой вины в отношении последствия является умысел. Он может быть как косвенным, так и прямым. Прямой умысел в отношении последствия не превращает доведение до самоубийства в убийство, если этим последствием действительно является самоубийство, а не вынужденное самоумерщвление.

Практическая значимость. Выводы, предложения и рекомендации, сформулированные в диссертации, могут быть учтены в законотворческой деятельности при подготовке нового УК, использованы в руководящих разъяснениях Верховного Суда Украины, а также в учебном процессе при изучении курса уголовного права.

Апробация. Выводы диссертации доложены на межрегиональной научной конференции молодых ученых и соискателей (октябрь 1991, г. Харьков). Основные положения также освещены в опубликованных и принятых к печати тезисах и статьях, отражены в объяснительной записке к проекту (1989 г.) УК Украины (глава «Преступления против личности»), в подготовке которой в составе кафедры уголовного права Украинской юридической академии принимал участие автор.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, четырех глав, в которых последовательно рассмотрены объективные и субъективные признаки состава доведения до самоубийства, и заключения.

Во введении обосновывается актуальность темы, определяются цели диссертации, ее методологическая основа, научная новизна и практическая значимость.

Глава I «**Объект доведения до самоубийства**» посвящена исследованию родового и непосредственного объектов, а также предмета преступления. Автор исходит из общепринятого представления об объекте преступления как общественных отношениях, поставленных под охрану уголовного закона. Исследуя родовой объект, диссертант отмечает, что в науке утвердилось мнение, согласно которому таким объектом является личность. Такое понимание объекта всех преступлений, включенных в гл. III Особенной части УК, базируется на том, что личность является «совокупностью общественных отношений», а значит, личность — это и есть общественные отношения. В диссертации такой подход оспаривается. Представляется, что речь следует вести не о личности, а о человеке. Дается подробный анализ современных представлений о соотношении данных понятий. Личность — это лишь определенное свойство человека, причем свойство сугубо социальное. Человек никогда не станет личностью без общения с другими людьми. Вне социального окружения у него не могут появиться даже такие элементарные чисто человеческие черты, как прямохождение и владение речью. Но и эти навыки еще не свидетельствуют о возникновении личности. Она появляется на более высокой ступени социализации человека. Личность — это свойство, которое заключается в возможности сознательного выбора человеком вариантов своего поведения. Личность неразрывно связана с наличием определенной свободы (способности «действовать со знанием дела»). Элементарное наличие свободы, свидетельствующее о возникновении личности, — это «свобода жить», которая предполагает овладение такими сложными понятиями, как «жизнь» и «смерть». Возрастной момент возникновения личности сугубо индивидуален. Он определяется не только генотипическими характеристиками, но и особенностями социальной среды. Свойства личности отсутствуют у людей с глубокими аномалиями психики. Однако уголовный закон охраняет от преступных посягательств каждого человека, независимо от наличия либо отсутствия у него указанных свойств. Поэтому следует говорить о человеке, а не о личности. С точки зрения современной науки человек как носитель личности — это порождение, продукт, производное общественных отношений, а не их «совокупность», следовательно, ни человек, ни личность сами по себе в качестве объекта преступлений рассматриваться не могут. Поэтому родовым объектом так называемых преступлений против личности, в том числе и доведения до самоубийства, являются **общественные отношения, обеспечивающие неотъемлемые блага человека**. Этими благами, которые являются элементарными предпосылками полноценного человеческого бытия, и выступают жизнь, здоровье, свобода, честь, достоинство человека.

Диссертант полагает, что преступление может считаться посягательством на неотъемлемые блага человека лишь при условии, что для данного преступления не имеет значения социальная функция человека, т. е. то обстоятельство, субъектом каких именно отношений он является. Неотъемлемые блага человека могут выступать в качестве дополнительных непосредственных объектов и других преступлений, например, против государства (посягательство на жизнь государственного деятеля, ст. 58 УК Украины). Но в подобных случаях человек занимает место субъекта того общественного отношения, на которое посягает данное преступление. В общественном же отношении, являющемся объектом преступлений против неотъемлемых благ человека, последний занимает место предмета этого отношения. Именно по поводу человека, его неотъемлемых благ данное общественное отношение и существует. В связи со сказанным следует признать, что, например, п. «в» ст. 93 УК (убийство, совершенное в связи с выполнением потерпевшим служебного или общественного долга) «не вписывается» в главу УК о преступлениях «против личности», поскольку этот состав выделен с учетом именно социальной функции жертвы преступления.

Непосредственным объектом доведения до самоубийства в диссертации признаются **общественные отношения, обеспечивающие человеку возможность жить**. Жизнь сама по себе таким объектом (как это принято считать) не является. Уголовный закон не охраняет жизнь конкретного человека. Такая охрана жизни человека осуществляется опосредованно — через охрану общественных отношений, обеспечивающих человеку возможность жить. По непосредственному объекту доведение до самоубийства объединяется в одну группу с убийствами. Отличие же доведения до самоубийства от убийства автор видит в предмете этих преступлений. Диссертант разделяет взгляды тех криминалистов, которые считают преступления против жизни предметными. Для убийств этим предметом служит жизнь. Предметом же доведения до самоубийства является **личность человека**. Покончить с собой может лишь человек, достигший такого уровня социализации, когда ему известно явление смерти, т. е. когда он уже является **личностью** хотя бы в элементарном ее проявлении. По данным суицидологии, минимальный возраст самоубийц — 7—8 лет.

Глава II «**Объективная сторона доведения до самоубийства**». Данный деликт сконструирован как преступление с материальным составом. Прежде всего дается характеристика деяния. В законе названы четыре формы доведения до самоубийства. В случае, если потерпевший находился в зависимости от виновного, доведение до самоубийства возможно путем жестокого обращения или систематического унижения достоинства потерпевшего. При отсутствии зависимости формы названы иначе: систематическая травля или клевета.

Жестокое обращение — это понятие оценочное. В самом общем виде оно толкуется как безжалостное, грубое поведение, причиняющее физические и моральные страдания. Физические мучения спо-

способны довести человека до самоубийства, только преломляясь через его личностную, нравственную субстанцию, поэтому применительно к доведению до самоубийства деление жестокости на физическую и моральную носит условный характер. Физические мучения обязательно сопровождаются в этом случае моральными. Наиболее часто жестокое обращение выражается в **действии**. Понятие «обращение» означает процесс, систематическое проявление жестокости. Оно не оставляет места для доведения до самоубийства путем единичного действия. Кроме того, само понятие «доведение», являющееся обобщающим по отношению ко всем формам деяний, предусмотренных в ст. 99 УК, предполагает некоторую систему поведенческих актов. Трактовка «жестокое обращение», «доведения» как систематического совершения определенных поступков соответствует «букве» закона. Но вряд ли такое буквальное толкование приемлемо. Оно неоправданно ограничивает пределы его применения, приводит к несоразности. Так, лицо, три раза совершившее поступки незначительной степени жестокости, может быть привлечено к уголовной ответственности за доведение до самоубийства, но от нее мог бы уйти тот, кто совершил чрезвычайно жестокое, но единичное действие. Представляется, что до тех пор, пока слова «доведение», «жестокое обращение» фигурируют в законе, будут продолжаться и соответствующие дискуссии и разнобой в практике. Для того, чтобы избежать этого, предлагается сконструировать диспозицию таким образом, чтобы ее буквальное толкование давало очевидную возможность рассматривать в качестве деяния и единичные случаи жестокости, а именно: «проявление жестокости... следствием чего явилось самоубийство...». При такой формулировке под признаки деяния подпадали бы как единичные акты жестокости, так и система деяний, образующих в своей совокупности жестокое обращение.

Автор считает, что унижение достоинства — это разновидность жестокости, а именно моральной, поэтому самостоятельного значения оно не имеет и указывать его альтернативно с жестоким обращением, как это сделано в законе, нелогично. Тем не менее, учитывая, что жестокость в обычном сознании прежде всего ассоциируется с физическим насилием, предлагается сохранить в диспозиции «унижение достоинства» как уточняющий признак, воспользовавшись следующей формулировкой: «Проявление жестокости, в том числе и унижение достоинства, следствием чего явилось самоубийство...». Следовательно, унижение достоинства лишь тогда образует объективную сторону доведения до самоубийства, когда в этом проявляется жестокость. При такой обрисовке становится понятным, почему расторжение брачных, разрыв дружеских отношений и тому подобные поступки не образуют объективной стороны доведения до самоубийства (если они осуществляются не в оскорбительной форме).

В диссертации показано, что объективную сторону доведения до самоубийства могут составлять деяния, не являющиеся самостоятельными деликтами (например, издевательство над физическими или умственными недостатками, лишенное признаков оскорбления).

Ими могут быть и действия, внешне как будто «основанные на законе». Если, например, должностное лицо реализует путем использования управомочивающей нормы предоставленное ему законом право, понимая, что это не вызывается необходимостью и причиняет человеку страдания, такое поведение следует расценивать как проявление жестокости.

В диссертации дан анализ форм доведения до самоубийства, указанных в ч. 2 ст. 99, — «систематическая травля или клевета». Показано, что, хотя признак систематичности назван один раз — перед «травлей», его следует относить только к клевете. Травля — это и есть систематическое причинение потерпевшему физических и моральных мучений. Поэтому применительно к травле признак систематичности является излишним. Такое построение диспозиции следует признать непродуманным. По мнению автора, «унижение достоинства», «травля», «клевета» по существу являются разновидностями жестокости (а именно, моральной). Их перечисление в законе не вызывается необходимостью. Отказавшись от них, можно было бы одновременно избавиться и от признака систематичности, против которого обоснованно возражают, поскольку он суживает возможности применения закона.

Бездействие (непредоставление пищи, одежды, жилья) при доведении до самоубийства встречается редко. Моральная жестокость в бездействии проявляться не может. Даже «грубое игнорирование» — это не бездействие. Для того, чтобы игнорирование было грубым, очевидно, требуется уже совершить какие-либо явно оскорбительные действия.

Объективная сторона данного преступления предполагает наступление одного из двух последствий: самоубийства или покушения на самоубийство. В диссертации показано, что самоубийство — это не **смерть** от собственной руки, а намеренное совершение человеком действий, направленных на лишение себя жизни и достаточных для наступления смерти. Самоубийство — это процесс, который может завершиться смертью, а может к ней и не привести (по причинам, от самоубийцы не зависящим). Из этого следует, что второе последствие, названное в законе, — «покушение на самоубийство» — охватывается понятием самоубийства, а значит, является излишним. Человека доводят не до самоубийства или до покушения на самоубийство, а до того, что он совершает действия, направленные на причинение себе смерти.

Хотя указание в законе на «покушение на самоубийство» является излишним, его все же следует сохранить, т. к. иначе могли бы возникать сомнения, подпадают ли под признаки статьи 99 УК случаи, когда человек, наложивший на себя руки, остался жив. Предложения заменить «покушение» «попыткой» автор не поддерживает. Слово «попытка» не имеет столь четко выраженных границ, как «покушение». Его использование могло бы повлечь за собой применение закона и в случае совершения потерпевшим действий, представляющих собой лишь приготовление к самоубийству.

Для того, чтобы самоубийство можно было расценить как последствие рассматриваемого преступления, оно должно обладать дополнительными признаками. Необходимо, чтобы человек, который пытается умертвить себя, понимал, что он делает это из-за жестокости по отношению к нему со стороны определенного лица.

Автор не соглашается с тем, что при самоубийстве потерпевший обязательно должен желать своей смерти. Говорить о самоубийстве можно и при **сознательном ее допущении**. Если человек, совершивший действия, которые достаточны для того, чтобы смерть наступила, все же надеется на **случайность**, которая спасет его и изменит жизнь к лучшему, и при этом смерть все-таки **допускает**, нет оснований к тому, чтобы такое поведение не считать самоубийством.

При рассмотрении причинной связи между деянием и последствием автор отмечает, что характерной особенностью доведения до самоубийства является опосредованный характер этой связи. Порождая в сознании потерпевшего решение покончить с собой, деяние обвиняемого лишь создает реальные условия для самоубийства. В непосредственной причинной связи с жестоким обращением находится только принятие этого решения. Реализация же его целиком зависит от личностных качеств потерпевшего, от его волеизъявления. В судебной практике в большинстве случаев неточно делают вывод об отсутствии причинной связи в то время, как не установлено само деяние (поведение обвиняемого нельзя признать жестоким) либо отсутствует последствие (например, не было самоубийства, а было случайное причинение себе смерти потерпевшим).

Глава завершается рассмотрением отграничения доведения до самоубийства от убийства. Разделяется мнение специалистов, что самоубийство — это добровольное лишение себя жизни. О добровольности можно вести речь до тех пор, пока человека, подвергающегося жестокому обращению, не ставят в ситуацию, сходную с состоянием крайней необходимости, которую автор называет ситуацией «фатального выбора». Это происходит, когда человека принуждают к «самоубийству» под угрозой причинения ему смерти, увечья либо мучений. Отсутствие добровольности означает и отсутствие самоубийства, смерть в этом случае является результатом вынужденного самоумерщвления, а значит, совершается убийство. Предметом преступления в этом случае является не личность человека, а его жизнь. Личностные свойства жертвы (возможность выбора вариантов поведения) в такой ситуации, когда «третьего не дано», проявляются в ничтожной степени (свобода выбора минимальна, человек вынужден выполнить то, что жестко продиктовано преступником). Принуждение к «самоубийству», как утверждали еще дореволюционные юристы, — это «настоящее убийство».

В III главе «**Субъект доведения до самоубийства**» характеризуется зависимость потерпевшего, которая и определяет субъекта данного преступления как специального.

Зависимость — это такая связь (состояние отношений) между обвиняемым и потерпевшим, при которой реализация существенных интересов последнего была обусловлена поведением первого либо

реализация существенных интересов каждого из них была обусловлена обоюдным поведением.

Диссертант не согласен с тем, что зависимость всегда основана на доминировании одного человека над другим. Она может выступать и как взаимозависимость людей, равных по своему статусу. Иначе, например, было бы невозможно обосновать отношения зависимости между супругами, которые признаются равными в своих взаимных правах и обязанностях. Зависимость поэтому может существовать в двух формах. Первая из них основана на доминировании одного человека над другим, в силу того, что первый наделен большими правами в отношении второго. Такую зависимость предлагается называть «вертикальной». Другая форма характерна для взаимоотношений людей равного «микростатуса», например, сослуживцев, соучеников, соседей. Реализация их интересов, бесспорно, зависит от их взаимного поведения. Такую зависимость можно именовать «горизонтальной». В свою очередь, вертикальная зависимость проявляется в двух ее видах, которые названы автором «негативной» и «позитивной». «Негативная» зависимость характеризуется тем, что доминирующее лицо ограничивает волю зависимого (например, зависимость обвиняемого от следователя). При «позитивной» зависимости наблюдается обратное: один человек расширяет возможности реализации воли другого. Примером может служить зависимость материальная. Если человек получает от другого существенную материальную поддержку, то он имеет больше возможностей реализовать свои материальные интересы. В этом случае зависимое лицо стремится сохранить подобные отношения, боится лишиться столь важной для него поддержки, и потому, если с ним жестоко обращаются, бывает вынуждено терпеть это.

В ч. 1 ст. 99 названы два варианта зависимости — материальная и иная. Законодатель выделил материальную зависимость в силу ее преобладающего характера. При понимании зависимости как признака состава доведения до самоубийства выявлена следующая тенденция. Там, где соответствующая статья УК позволяет привлечь лицо к ответственности и при отсутствии зависимости (например, ч. 2 ст. 99 УК Украины), ее толкуют применительно к ч. 1 этой же статьи узко: уголовно-правовой зависимостью признают вертикальную и всего лишь один вид горизонтальной — брачную. Применительно же к тем УК, по которым уголовной ответственности лицо подлежит лишь при наличии зависимости (например, по ст. 107 УК России), ее понимают гораздо шире — и как вертикальную, и как любую горизонтальную. Зависимость зачастую сводят к простому знакомству. Таким образом, понятие, выраженное в различных кодексах одними и теми же словами, трактуют по разному, приспособляя его к нуждам практики.

В ст. 99 УК Украины зависимость предусмотрена в части первой и не предусмотрена — во второй. Таким образом, ч. 1 — это состав со специальным субъектом, а ч. 2 — с общим. Такую последовательность частей нельзя признать удачной, поскольку законодатель вынужден по существу указывать на признаки общего субъекта через

отрицание признаков специального («...со стороны лица, от которого потерпевший не был в материальной или иной зависимости»). Поэтому и выдвигают предложения поменять части ст. 99 УК местами, с тем, чтобы отношения зависимости между виновным и потерпевшим выступали в качестве квалифицирующего признака. Однако автор диссертации вообще предлагает отказаться от признака зависимости. Он чрезвычайно расплывчат, порой толкуется произвольно, неопределенно. Исключение его из закона будет безболезненным и устранил затруднения в применении нормы.

В главе IV освещаются проблемы **субъективной стороны доведения до самоубийства**. Прежде всего анализируется отношение виновного к деянию. Автор присоединяется к большинству юристов, считающих, что жестокость следует понимать в единстве объективных и субъективных признаков. Жестокими можно признавать не просто действия, которые причиняют страдания, но при условии, что виновный сознает такой их характер. Неосторожное причинение страданий жестокостью признавать нельзя. Показано, что для констатации умысла на причинение страданий достаточно установить, что виновный сознавал, т. е. считал не только несомненным, но и вероятным, возможным или неисключенным, что человек испытывает в результате его действий физические или нравственные мучения. Очевидно, что в отношении деяния умысел может быть только прямым («сознательно допускать» собственное действие (бездействие) невозможно). Различные оттенки эмоционального отношения преступника к страданиям жертвы, при условии, что эти страдания им осознаются, не имеют значения для решения вопроса о виде умысла. Сказанное распространяется на все другие формы доведения до самоубийства, поскольку, по мнению автора, они являются разновидностями жестокости.

Затем раскрывается отношение виновного к последствиям своей жестокости — «самоубийству», «покушению на самоубийство». Показано, что предвидение (либо непредвидение) указанных в законе последствий означает, что лицо предвидит (или не предвидит), что человек, с которым он жестоко обращается, может совершить действия, направленные на прекращение собственной жизни. Нельзя предвидеть, что самоубийство в одном случае завершится смертью, а в другом — нет («покушение на самоубийство»). Ведь итог саморазрушительных действий потерпевшего от него самого, а тем более от виновного, не зависит.

По вопросу об отношении к последствиям в данном составе существуют разногласия. Их можно свести к следующим позициям. 1. По отношению к последствиям возможны оба вида умысла, неосторожность исключается. 2. По отношению к последствиям возможна лишь неосторожность; умысел исключается. 3. Возможны по отношению к последствиям и умысел, и неосторожность. При этом допускают: а) оба вида неосторожности и оба вида умысла; б) оба вида неосторожности и косвенный умысел; в) только небрежность и косвенный умысел; г) только небрежность и оба вида умысла; д) только самонадеянность и косвенный умысел.

Поскольку в литературе почти единодушно признается, что при доведении до самоубийства неосторожное отношение к последствиям является правилом, автор диссертации начинает анализ форм вины по отношению к последствию именно с неосторожности.

Небрежность при доведении до самоубийства заключается в непредвидении лицом последствия своей жестокости (самоубийства) при обязанности и возможности такого предвидения. Причем обязанность такого предвидения должна презюмироваться: все люди должны взаимно щадить друг друга, понимать, что жестокость может стать причиной самоубийства. Поэтому усилия суда должны быть сосредоточены на установлении субъективного критерия («мог предвидеть»). Но прежде необходимо выяснить, действительно ли подсудимый такого последствия не предвидел. Невозможность предвидения самоубийства наиболее очевидна в тех случаях, когда самоубийство явилось следствием единичного жестокого действия, т. е. когда у виновного не было возможности увидеть реакцию потерпевшего на предшествующую жестокость и он не мог даже предположить, что тот может покончить с собой. Невозможность предвидения самоубийства может проистекать и из того, что виновный совершенно не знал потерпевшего, особенностей его психики. Такое, например, бывает при отсутствии зависимости. Но на практике гораздо чаще встречаются случаи, когда до самоубийства доводят **систематическим** совершением жестоких поступков (жестоким обращением), причем осуществляется это в отношении зависимых лиц, т. е. когда виновный **знаком** с потерпевшим. Из этого следует, что небрежность в отношении самоубийства встречается редко.

Автор приходит к выводу, что когда самоубийство является результатом небрежности, наличие в статье 99 УК признака зависимости по существу порождает объективное вменение. Наличие зависимости обязывает суд применять ч. 1 статьи 99 с более суровой санкцией. Но ведь при небрежности по отношению к самоубийству осознание виновным зависимого положения потерпевшего усугубляет его вину лишь в отношении жестокости, а не самоубийства, которое им вообще не предвидится. Закон же карает не за жестокость само по себе, а именно за самоубийство как следствие жестокости. Это еще раз подтверждает, что от признака зависимости следует отказаться.

Самонадеянность по отношению к последствиям, по мнению автора, возможна лишь теоретически. Чтобы быть уверенным в наступлении последствия, нужно рассчитывать на вполне определенные, четко представляемые обстоятельства. Таким обстоятельством может быть только постоянное наблюдение за потенциальным самоубийцей. Организовать подобную «слежку» практически невозможно, поэтому предвидение последствий предельно редко сочетается с расчетом на их предотвращение. Расчет же предотвратить смерть самоубийцы (например, вытащить из петли), означает, что «покушение на самоубийство» виновный все же допускает, а это уже видимость **косвенного умысла** в отношении этого последствия.

Таким образом, автор приходит к выводу, что наиболее распространенной формой вины в отношении последствий является **умысел**. Умысел чаще бывает косвенным. Предвидение самоубийства бесспорно, когда потерпевший заведомо для виновного уже совершал суицидную попытку либо предупреждал своего мучителя о возможных последствиях его жестокости. Достаточно очевидным свидетельством предвидения самоубийства является осведомленность о болезненной реакции потерпевшего на проявляемую к нему жестокость. В диссертации признается доведение до самоубийства и с **прямым** умыслом, причем такое доведение не превращается в убийство и в том случае, когда виновный, проявляя в отношении жертвы жестокость, желает довести потерпевшего до самоубийства. В этом случае желание смерти все равно остается лишь желанием самоубийства.

Доведение до самоубийства — преступление с усложненной (комбинированной) формой вины. Отношение к деянию (жестокости) может быть только умышленным, отношение к последствию (самоубийству) — и умышленным, и неосторожным. В случае, когда отношение к последствию выражено в неосторожности, неосторожным на практике считается и преступление в целом. Такой подход следует признать справедливым, поскольку суть рассматриваемого преступления состоит не в жестокости самой по себе, а лишь в такой жестокости, которая повлекла за собой самоубийство.

В заключении, которым завершается диссертация, предлагается и новая редакция статьи будущего УК Украины:

Ст. ...Доведение до самоубийства

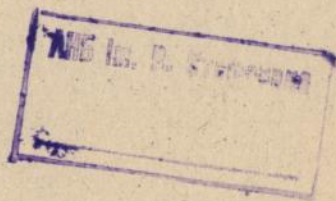
Проявление жестокости, в том числе и унижение достоинства, следствием чего явилось самоубийство или покушение на самоубийство потерпевшего, наказывается...

Название статьи необходимо сохранить, поскольку оно привычно и понятно практическим работникам и широким слоям населения. Кроме того, оно отражает наиболее распространенные случаи, когда жестокие действия совершаются систематически и образуют именно доведение до самоубийства.

ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ ДИССЕРТАЦИИ ОТРАЖЕНЫ
В СЛЕДУЮЩИХ ОПУБЛИКОВАННЫХ РАБОТАХ:

1. Доведение до самоубийства (проблемы объекта и предмета) // Проблемы совершенствования законодательства Украины и практики его применения: Краткие тезисы докладов и научных сообщений межрегиональной научной конференции молодых ученых и соискателей.— Харьков, 1991.

2. Жорстоке поводження як одна з форм доведення до самоубства // Право України.— 1992.— № 7.

Ответственный за выпуск М. И. БАЖАНОВ

Кн. ф-ка им. М. В. Фрунзе, г. Харьков, ул. Донец-Захаржевского, 6/8.
Зак. 2м-1418. Тираж 100.

46 8436

AB 25.911